

Глава 49. А ты оказался догадливым

Самцы в большинстве своём не отличались выдающимся умом, и Капе был среди них едва ли не лучшим представителем этой печальной тенденции. Однако даже его скудных когнитивных способностей хватило, чтобы осознать: когда тебе в лоб упирается ствол пистолета, лучше не испытывать терпение того, кто держит палец на спусковом крючке. Он буквально врос в стену; холод бетона просачивался сквозь одежду, пробирая до самых костей. Его шея одеревенела, он боялся даже моргнуть, застыв с выражением крайнего ужаса на лице.

«Как он смеет?! — билась в его голове единственная мысль. — Как он только посмел?!»

Направить оружие на самца на глазах у всех — в Империи это считалось тягчайшим преступлением. Его ноги предательски задрожали, по вискам градом катился холодный пот. Он отчаянно пытался отстраниться от дула, причитая пересохшими губами:

— Нет... ты не можешь... я самец... я же самец!..

«Самец — и что с того? — холодное презрение скользнуло в мыслях А-Но. — Эти существа, привыкшие к абсолютной безнаказанности под крылом имперских законов, даже не подозревали, сколь хрупок их привычный мир. Они напоминали пьяниц, танцующих на краю бездны: одно легкое движение, один короткий толчок — и они полетят вниз, разбиваясь о камни реальности»

Его лицо оставалось бесстрастным. Он лишь сильнее вжал ствол в лоб пленника, и палец его многозначительно замер на спусковом крючке.

— Разумеется, вы самец, — проговорил он низким, вибрирующим от подавленной ярости голосом. — Я никогда этого не оспаривал.

В коридоре замерли десятки военных самок, но ни одна из них не рискнула вмешаться. Дик, будучи близнецом А-Но, острее других чувствовал ту убийственную жажду крови, что исходила от брата. Сердце его дрогнуло, и он, не выдержав, бросился вперед, закрывая собой Капе.

— Брат, прошу, не стреляй!

В этом жесте не было ни тени любви — лишь голый расчет и страх. Если с Повелителем что-то случится, Дик, как супруг, разделит его судьбу, и кара будет беспощадной.

Бледный как полотно, Дик смотрел в лицо брата, столь похожее на его собственное. В этот момент он как никогда остро осознал, насколько разными путями они пошли. Пока один строил карьеру в политике, другой ковал свою славу в огне сражений. Он на миг замер, а затем бросил быстрый, едва заметный взгляд на люритовую вазу, стоящую на полке с антиквариатом.

— Исчезновение господина Чу Суя никак не связано с моим Повелителем! — выкрикнул он, надеясь, что намек понят.

А-Но уловил это движение. Проследив за направлением взгляда Дика, он увидел вазу. Фэйди тут же бросился к стеллажу. Оказалось, что она намертво прикреплена к полке. Адъютант с силой повернул её — раздался резкий щелчок, часть стены ушла внутрь, открывая потайной проход.

— Генерал, здесь! — воскликнул Фэйди.

Он числился пропавшим уже восемь часов. Никто не знал, в каком он состоянии, жив ли он вообще или превращен в кровавое месиво безумным садистом.

Как только проход открылся, А-Но первым ворвался внутрь. Окинув взглядом потайную комнату, он увидел мужа: тот был скован кольцом подавления способностей в самом её центре. Его голова бессильно опустилась на грудь, и по тому, как он замер, невозможно было понять, дышит ли он. На белоснежной рубашке отчетливо виднелась длинная багровая полоса — след от плети, вспоровшей ткань и плоть.

Фэйди поспешно подошел и снял кольцо подавления способностей. Лишившись опоры, пленник, чьи мышцы задеревенели от долгого пребывания в одной позе, едва не рухнул на пол, но чьи-то сильные руки подхватили его.

— Повелитель!..

А-Но сжал его в объятиях. Только почувствовав кожей тепло его тела и услышав слабое дыхание, он ощутил, как ледяной ком в груди начал таять. В эту секунду генерал забыл обо всех правилах и приличиях — он просто прижал Чу Суя к себе так крепко, что тот едва не задохнулся.

Чу Суй, только что балансировавший на грани отчаяния, опешил от такого напора. Осознав, что это А-Но, он почувствовал, как всё его существо наполняется несказанным облегчением.

— Наконец-то ты пришел, — прохрипел он, не веря своему счастью. — Еще немного, и тебе пришлось бы забирать отсюда мой труп.

А-Но никогда не видел своего господина в столь плачевном виде. Он замер, и взгляд его невольно упал на окровавленную спину мужа. Темно-красный след от плети жёг глаза, заставляя сердце обливаться кровью. Генерал зажмурился, а затем медленно опустился на одно колено.

— Простите меня... я не сумел вас защитить.

Голос его звучал глухо и надломленно. Он знал, что Чу Суй — человек нежный, из тех, кто морщится от малейшей царапины. А-Но даже представить не мог, какую боль пришлось перенести его мужу под ударом тяжелой плети.

Чу Суй бросил эту фразу в сердцах, не ожидая, что А-Но воспримет её так серьезно. Глухой стук коленей о каменный пол отозвался в его душе резким протестом. Он схватил того за руку, пытаясь поднять его.

— Вставай сейчас же, — буркнул он, внезапно разозлившись.

Каким бы взбалмошным ни был Чу Суй, он понимал: А-Но здесь ни при чем. Сейчас его единственным желанием было собственноручно придушить этого подонка Капе.

Теперь, когда пленника нашли в секретной комнате, оправдания Капе не стоили и ломаного гроша. Фэйди защелкнул на его запястьях наручники, без малейшего намека на почтение произнес:

— Господин Капе, вы обвиняетесь в похищении господина Чу Суя. Прошу проследовать в штаб для дачи показаний.

Капе впервые в жизни оказался в кандалах. Его лицо перекошилось от ярости, но в глубине души он сохранял спокойствие. У него в доме полно наложниц — достаточно выставить одну из них козлом отпущения, и большая часть обвинений рассыплется. Опытные адвокаты и крупный залог сделают остальное. В худшем случае он проведет пару месяцев под домашним арестом. Чу Суй ведь жив, а за «легкие царапины» в Империи строго не судят.

— Я пойду с вами, — процедил Капе, — но требую немедленной встречи с моим адвокатом. Я знать не знал об этом похищении! Наверняка кто-то из моих наложниц решил выслужиться и притащил его сюда без моего ведома.

В потайной комнате не было камер, а слова самого Чу Суя — лишь свидетельство заинтересованного лица, которое легко оспорить в суде.

Наложницы Капе слушали это с застывшими, серыми лицами. Они словно ожидали подобного исхода; в их душах не осталось места для протеста — лишь бесконечная, мертвая тишина. Солдаты уводили их одну за другой, и, возможно, для многих из них тюрьма казалась избавлением от того ада, в который превратил их жизнь Повелитель.

Альвин стоял на галерее второго этажа, наблюдая за тем, как Капе уводят под конвоем. Тот шел с гордо поднятой головой, уверенный в своей безнаказанности. Кулаки Альвина сжались на перилах так сильно, что на руках вздулись вены.

«Самцы... Проклятые самцы...»

Он буквально пробовал это слово на вкус, не в силах понять, почему эти ничтожества имеют право топтать их жизни.

В спальне врач уже обрабатывал рану Чу Суя. На живот наложили плотную повязку, и во время манипуляций тот, вопреки обыкновению, хранил гробовое молчание. А-Но сидел рядом, крепко сжимая ладонь мужа, и взгляд его был устремлен в пустоту.

Вскоре в дом прибыли представители Ассоциации по защите самцов. По закону, если с господином случалась беда, виноват был прежде всего его супруг. По иронии судьбы, комиссию возглавлял Майлунь. Дождавшись окончания перевязки, он выступил вперед и сухо поклонился:

— Рады видеть вас в добром здравии, господин Чу Суй. Теперь мы спокойны.

Чу Суй окинул его неприязненным взглядом. Он давно понял, что эти «защитники» на деле лишь ищут повод для новых интриг. Он проигнорировал приветствие, ожидая, что последует дальше.

Майлунь, помня прошлый урок, не стал лезть на рожон с Чу Суем, а сразу повернулся к генералу:

— Генерал А-Но, нам необходимо обсудить детали происшествия. Будьте добры, проследуйте за нами для составления протокола.

Фэйди тревожно посмотрел на своего командира. Протокол? Зная повадки Ассоциации, они просто хотели утащить генерала к себе, чтобы выбить из него признание в халатности и лишить чинов.

А-Но уже готов был встать, но Чу Суй оказался быстрее. Он перехватил руку генерала, задвигая его себе за спину, и с вызовом посмотрел на того.

— Хотите подробностей? Так почему вы спрашиваете его, а не меня?

Майлунь, понимая, что уловка не удалась, холодно пояснил:

— Господин Чу Суй, мы лишь следуем букве закона. Вы были похищены, а генерал А-Но, как ваш супруг, не обеспечил должной безопасности. По правилам Ассоциации, он должен быть допрошен. Наша обязанность — гарантировать вашу неприкосновенность и не допустить подобного впредь.

Чу Суй почувствовал, как внутри него закипает ярость. Это было за гранью здравого смысла. Он с силой пнул стоящий рядом стул — тот отлетел в сторону и с грохотом врезался в стену. Присутствующие вздрогнули.

— Только попробуйте прикоснуться к нему!

Чу Суй был в бешенстве. Эти чинуши казались ему еще более омерзительными, чем сам Капе. Настоящий преступник стоял этажом ниже, а они пытались повесить всех собак на А-Но.

— Хотите, чтобы это не повторилось? — прошипел Чу Суй, и от его голоса по комнате пополз ощутимый холод. — Всё просто: поставьте к стенке этого гада Капе. Уверен, он с радостью расскажет вам всё, что вы хотите знать.

С этими словами он потянул А-Но к выходу. Тот и его свита не посмели преградить им путь, лишь растерянно переглядывались за их спинами.

А-Но шел следом за мужем. Чу Суй так сильно сжимал его запястье, что кожа начала неметь, но генерал не пытался высвободиться. В его душе царило странное оцепенение. Наверное, с самого момента рождения никто и никогда не защищал его так самоотверженно — даже собственная мать.

Военные самки были щитом Империи, самки ранга S — её карающим мечом. Всю свою жизнь они учились защищать других: государство, идеалы, своих самцов. Они отдавали себя без остатка, пока не проливали последнюю каплю крови.

Самцы любили мучить их, зная, что те сильны — они выживут, даже если им вырвать сердце, они поднимутся после сотни ударов плетью.

Но никто не спрашивал, как сильно они при этом страдают.

Ночной воздух был черным, как разлитые чернила. Резкий порыв ветра хлестнул в лицо, и Чу Суй наконец немного остыл. Он остановился, тяжело дыша, и обернулся к А-Но:

— Пока я не разрешу, ты и шагу с ними не сделаешь. Понял?

А-Но, пользуясь густой тенью деревьев, внезапно обхватил Чу Суй руками. Под шелест листвы он медленно сжимал объятия, спрятав лицо у него на плече. Он долго молчал, не в силах подобрать слова.

Чу Суй решил, что тот просто напуган. Он неловко погладил А-Но по волосам и после долгой паузы выдал:

— Ты — мой супруг...

«Ты моя супруга, и я не позволю никому тебя обижать».

Руки А-Но на его талии мгновенно напряглись. Хватка была такой сильной, что Чу Суй охнул, но генерал тут же отстранился.

Он смотрел на мужа долгим, темным взглядом, в котором, казалось, отразилась вся глубина океана.

— Обещаю, — прошептал А-Но, — я больше никогда не позволю вам оказаться в опасности.

Чу Суй хотел было ответить, но с улицы донеслись крики. Капе, так и не дождавшись адвоката, устроил истерику, наотрез отказываясь садиться в машину военных.

Чу Суй сжал зубы.

— Жди меня здесь, — бросил он А-Но.

Он решительно направился к Капе, на ходу подбирая что-то с земли. В густых сумерках было сложно разобрать, что именно оказалось у него в руке.

Репутация Капе была настолько дурной, что даже самые беспринципные юристы не спешили к нему на помощь. Он бесновался, осыпая проклятиями слуг, но, увидев приближающегося Чу Суй, внезапно замолк.

Он пытался сохранить остатки достоинства, но дрожь в голосе выдавала его с головой:

— Ты... ты чего задумал?

Чу Суй, пряча руки за спиной, ехидно усмехнулся:

— А ты угадай.

Видя рядом солдат, Капе немного приободрился. Он решил, что на глазах у конвоя Чу Суй не посмеет ничего предпринять.

— И что? — огрызнулся он. — Снова ударить меня хочешь?

Хрусть!

Не успел Капе закрыть рот, как Чу Суй выхватил из-за спины тяжелый кирпич и от души приложил его к голове обидчика. Камень с сухим треском развалился надвое. Солдаты оторопели; кто-то дернулся было вмешаться, но ледяной взгляд А-Но пригвоздил их к месту.

Чу Суй с облегчением выдохнул, отшвырнул обломок кирпича в сторону и отряхнул ладони от пыли.

— Твою мать... а ты оказался догадливым.

<http://bllate.org/book/15807/1438903>